

ШКОЛА

ВЫПУСК 70
декабрь 2023

БЕЗ ОПАСНОСТИ

Тема номера: «Травля любит тишину»

«Когда мы стоим на линейке, провожая детей в первый класс, можно с уверенностью сказать, оглядев их всех, что в течение 10 лет половина из них подвергнется травле. У кого-то это продлится год, у кого-то – полгода, а у кого-то и 10 лет. Главное – травле может подвергнуться любой ребёнок».

Так пишет в своей книге «Травля: со взрослыми согласовано» Светлана Моторина, эксперт и участник обучающих программ для учителей, мама ребёнка, который в восьмилетнем возрасте из-за школьного буллинга утратил желание жить. Автор утверждает, что травля всегда допускается и запускается взрослыми: «Это может быть родитель, учитель, воспитатель, руководитель лагеря – но это именно взрослый. Потому что не видеть, что травля есть, невозможно. И когда мы молчим – значит, мы её допускаем. Но нам важно помнить, травля – это не конфликт, не «непопулярность», не нормальное состояние коллектива и не какая-то естественная фаза, которая нужна как этап взросления. И это не игра».

Поисками эффективных решений проблемы детской травли озабочены психологи и педагоги многих стран, проводятся разнонаправленные исследования, разрабатываются и внедряются специальные образовательные программы, но несмотря на достижения учёных и специалистов-практиков, работающих с детьми и подростками, проблема не теряет актуальности. Ведь последствия этого явления могут быть самыми печальными – вплоть до трагической гибели его участников или жестокой мести обидчикам, в том числе с

применением оружия. А с приходом цифровой эры для травли не нужен и личный контакт, поскольку такая её разновидность как кибербуллинг осуществляется через привычные мессенджеры и социальные сети, смс и электронную почту. Так, по статистике «ВКонтакте», кибербуллингу в 2021 году подвергались более половины интернет-пользователей.

Ключевую роль и в профилактике, и в прекращении любого случая буллинга в школе играют взрослые: педагоги, психологи и родители. Именно они могут и должны заметить происходящие в детском

коллективе изменения, увидеть первые признаки буллинга в особенностях эмоционального состояния и/или поведения каждого ребёнка, помочь всем участникам выйти из сложившейся ситуации. Если взрослые предпочитают молчать, не реагируют на проявления травли или своими действиями провоцируют и усугубляют её, то дети воспринимают это как согласие с происходящим: насилие возможно, это нормально, ну и ладно.

«Я это заслужил; это я виноват, что надо мной издеваются; я всех ненавижу, они не достойны жить», – думает жертва.

«Мир строится на силе и власти, самый лёгкий способ этого добиться – насилие; в нашем классе нельзя по-другому, или ты травмишь, или тебя», – думает буллер.

«Это меня не касается; не стоит лезть, а то издеваться будут надо мной; всем всё равно, что с тобой происходит; насилие – это нормально: или ты бьёшь, или тебя; мне больно видеть, что ребята издеваются, но я боюсь встать на защиту; взрослые нам не могут помочь», – думают ребята, которые вынуждены постоянно наблюдать травлю.

Так или иначе, свой «вклад» в ситуацию до и во время буллинга вносят все участники: «преследователи», «жертва», «свидетели» – дети и взрослые. Важно понимать, что ребёнок или подросток, которому досталась роль «жертвы», не может противостоять травле самостоятельно – ему нужны активные действия родителей, учителей, школьного психолога, равнодушных сверстников. Более того, помощь подготовленных и грамотных взрослых требуется и «преследователям», и «свидетелям».

Но почему буллинг вообще стал возможен в детских сообществах? Почему сами ребята не встают на защиту сверстника, не сплачиваются против насилия? Ведь очень логично, что если кого-то обижают – защити, если нужна помощь – помоги. Не этому ли учат детские книжки, воспитатели, учителя, родители? Ребят, которые являются свидетелями буллинга, в десятки раз больше, почему они все молчат?

В книге «Громкое молчание хороших людей. Буллинг, троллинг, харассмент и другие поводы остаться в стороне» её автор Кэтрин Сандерсон задаётся вопросом: «Почему хорошие люди так часто ничего не делают, когда, казалось бы, небольшое действие может привести к значительным переменам?». И сама отвечает: «Порой нам легче найти или назначить кого-то виноватым, чем взять на себя ответственность за то, что **я могу влиять на происходящее**. Именно бездействие позволяет злу процветать». Если мы говорим о травле в школе, то должны помнить, что жертвой, буллером или наблюдателями являются дети. А они чаще всего ориентированы на взрослых, если, конечно, не потеряли

к ним доверие. От профессиональной позиции и действий педагога зависит эффективность работы по профилактике насилия и буллинга, а также то, насколько дети и родители поверят, что **«насилие в нашей школе неприемлемо»**.

Взрослый транслирует ценности, установки, правила поведения. В семье такой взрослый – родитель, в школе – учитель. Он передаёт не только и не столько академические знания, сколько ценностно-нравственные ориентиры, нормы и стиль взаимодействия с другими людьми. И как сложно детям поверить словам, что обзывать, унижать, бить другого ученика нельзя, если при этом от того же педагога можно услышать советы типа «дай сдачи», «не обращай внимания», «хватит ябедничать» или – ещё хуже – сам педагог во взаимодействии с детьми и родителями допускает унижительные комментарии, оскорбления, манипуляции, угрозы, злоупотребляя «властью», демонстрируя «силу».

Владеет ли педагог ненасильственными способами разрешения конфликтов? умеет ли в сложных ситуациях не уронить собственное достоинство и проявить уважительное отношение к ребёнку, к его родителю? готов ли заметить признаки травли и не пройти мимо, не промолчать? От ответа на эти вопросы зависит, станет ли пространство школы территорией психологической безопасности, где позиция «нет насилию» заявляется громко, решительно, профессионально.

Выпуск подготовили
Л.А. Боронникова, С.В. Кузнецова

Предложения, вопросы, пожелания
присылайте по адресу: psiora@gmail.com